Онемел. Гарри Джеймс Поттер онемел (и не без удовольствия). Обвиснув плечами, он поднимался по лестнице в свою комнату, не обращая внимания ни на кошачью щеколду в нижней части двери, ни на абсурдное (оно было бы комичным, если бы не свидетельствовало о запустении) количество замков на раме - в конце концов, для него это была старая новость. Он даже не обратил внимания на захлопнувшуюся за ним дверь, на множество замков, щелкнувших и захлопнувшихся, и на то, что по лестнице топает его огромный дядя.

Мальчик плюхнулся на свой бугристый, покрытый пятнами матрас и погрузился в жалость к себе, не удосужившись снять очки, одежду и обувь. Объективный наблюдатель (возможно, после звонка в службу защиты детей) снисходительно отнесся бы к его жалости к себе: он был всего лишь ребенком, у которого в последний момент вырвали самую заветную фантазию.

Гарри только что вернулся с третьего курса Хогвартса, школы магии (пусть и с нелепым названием) в Великобритании. Его уныние было вызвано не только вынужденным возвращением к родственникам, чье отношение к его существованию варьировалось от безразличия до откровенной ненависти, а поведение по отношению к нему - от пренебрежения до жестокого обращения, но и тем, что он был так близок, так очень, мучительно близок к осуществлению мечты всей своей жизни - жить с человеком, который его любит. Его давно потерянный (точнее, долгое время находившийся в заключении) крёстный отец, Сириус Блэк, был готов усыновить его. Но тут, разумеется, на Гарри обрушилось типичное для него везение, и после вечера, который был попеременно волнующим и ужасающим, Сириус оказался в бегах, скрываясь от коррумпированного "правосудия" Министерства магии, а Гарри был обречён провести ещё одно лето с Дурслями.

Эмоционально истощённый (и заплаканный, хотя он никогда не признался бы в этом вслух), Гарри заснул и проснулся только на рассвете.

Пока Гарри спал, в тёмном и мрачном пабе, о существовании которого большинство прохожих даже не подозревали, двое мужчин неуклонно напивались. В этом не было вины рекламной практики бара, скорее, дело было в чарах, скрывавших его от глаз маглов (то есть людей, не рождённых с магией). В связи с кажущейся неспособностью британского магического сообщества давать названия без причуд (в конце концов, владельцы должны были убедиться, что их клиенты знают, что они Магические с большой буквы М), паб получил предсказуемое название "Пузырящийся боггарт". Впрочем, это не так важно. Главное, что в кабинке сидели двое мужчин, вспоминали ушедшие времена и примерно в равной степени смахивали слезы веселья и печали.

Оба мужчины выглядели неважно, и не только по причине опьянения. Один уже давно перестал быть "худым", а перешел в разряд "исхудалых": впалые щеки, запавшие глаза, почти скелетные руки. У него были тусклые, всклокоченные угольные волосы, хриплый, осипший голос и заметные нервные тики (в том числе собачья склонность нюхать воздух). Его спутник, хотя и находился в несколько более тяжелом состоянии, все же выглядел явно потрепанным, а по внешнему виду и повадкам напоминал человека, давно страдающего каким-то хроническим истощающим заболеванием.

Когда часы пробили полночь, воспоминания затихли, и оба мужчины допили свои напитки. Молчание длилось почти четверть часа, пока оба мужчины смотрели на дно своих бокалов.

Наконец один из них прочистил горло и обратился к брату по имени-отчеству: "Ремус… что мы будем делать с Гарри?" Их взгляды встретились, и после десятилетий совместных заговоров и интриг на разработку плана ушли считанные минуты.

http://tl.rulate.ru/book/96404/3297408